

РЕЦЕНЗИИ

Рец. на книгу: **Малышкин Е. В. Две метафоры памяти.** СПб.: Издательский дом Санкт-Петербургского университета, 2011. 246 с.

Что нужно, чтобы книга понравилась? В свое время Марк Твен говаривал, что любит книги: «тоненькую можно подсунуть под ножку стола, который качается, об книги с кожаным переплетом удобно затачивать бритву, а тяжелой книгой можно запустить в кота». Моя добрая знакомая доктор наук Н. Ф. Г. иной раз может обрадованно поделиться: «Прочитала хорошую книгу. Нашла там одну идею». Книгу Евгения Витальевича Малышкина опубликовали не в кожаном переплете, она не тонкая и не тяжелая, так что использовать ее в функциях, перечисленных записным шутником Марком Твеном, вряд ли кому придет в голову. Что же касается числа идей, которые отыщутся в книге, тут уже всё зависит от вдумчивости читателя. Автор свое отработал сполна. Начать хотя бы с того, что фундаментально важная тема подается в неожиданном разрезе. Речь в труде идет о человеческой памяти как основе культуры, причем в историко-философской традиции вычлениаются два мощных методологических ракурса — *след* и *проект*, и на основе их сопоставления Е. В. Малышкину удается всмотреться в широкий спектр важнейших вопросов онтологии, гносеологии, аксиологии.

На страницах книги мы видим мыслителей разных веков не в роли школяров, вынужденных поочередно подходить к доске и отвечать на задаваемые современным автором вопросы. Все они: Платон, Аристотель, Августин, Николай Кузанский, Гоббс, Локк, Лейбниц и многие другие — поодиночке, и вместе, и заодно с нами — заняты постижением того, как устроен мир, что делает в нем человек. И то ли само собой, то ли по неумолимой воле автора мыслители оказываются не школярами, а мудрыми для нас советчиками в решении уже нынешних смысложизненных проблем: хотя бы того, как соотносятся цифровой и аналоговый способы представления

мира и каковы культуротворческие потенциалы памяти.

Убежден: в каждой из четырех глав самый строгий читатель отыщет если и не открытие, то щедрую пищу для ума. Автор или сам формулирует сильные вопросы, или тактично воспроизводит варианты вопросов, которыми задавались классики. А то и сам, следя за логикой изложения, озадачиваешься вопрошанием: что такое «хорошая» память, что такое ее избирательность и фрагментарность? что такое эстетическое освоение мира? как соотносится длительность с памятью и с историей? каковы варианты человеческого отношения к содержанию памяти (тенденциозная лакировка избранного и очернение отверженного; объективная отстраненность наблюдателя или прагматическая нацеленность потребителя; мания природопреобразования или катарсис растворения в реальности; страх или ирония и пр.)? что такое философия и когда от нее захватывает дух? каковы эмоциональная палитра памяти, ее количественные и качественные параметры? где лежит начало памяти — в знании или в незнании? насколько глубоко соотношение памяти с телесностью? как память сопрягается с сокровенностью и откровенностью? почему в разных языках одни и те же процессы именуется не только различно, но и попадают в различные смысловые гнезда (на русском речь идет о памяти, за-поминании, при-поминании, вос-поминании, на-поминании, тогда как в других языках используются два различных корня: память ~ *memoria* и припоминание ~ *reminiscentia*)? что фундаментально общего между различными видами памяти и чем отличаются их механизмы? что роднит совместную молитву и новоевропейскую науку? если Декарт и Лейбниц рассуждают про восприятие и осознание восприятия, то что мешает нам задумываться и о переживании этих восприятия и осознания? если обе метафоры памяти сходятся в благодарении, единственный ли это вектор схождения, или следует продумать другие вари-

анты — ибо как память, так и беспамятность не способны ли томить-точить-терзать? Ну и едва ли не главное, по крайней мере, лично для меня: в какой степени индивидуальная и социальная память управляемы-развиваемы? Или насколько вменяемы забывчивость и беспамятство?

Что нужно для того, чтобы книга понравилась? Очевидно, разным читателям нужно разное. Одному потребны добротные источниковедческие основания, другому — новизна поворотов мысли, третий любит ассоциативные подкрепления строгого научного дискурса литературными иллюстрациями или мудрыми афоризмами разных времен и народов, четвертый ждет мощных выводов и обобщений. Кто-то читает «прицельно», выискивая зорким взглядом различные «стройматериалы» для собственных текстов. Я уже не говорю про тех, кто склонен пройтись по страницам личного экземпляра остро заточенным карандашом, помечая на полях книги понравившиеся сюжеты или вступая

с автором в спор по самым разным поводам. Лично я, читая книгу «Две метафоры памяти», радовался и ее строгой логике, и изяществу построения авторских рассуждений, и замечательному подбору разноязычных, со вкусом примененных цитат. Приятно было осознавать, что мыслители прошлого писали не втуне — что и сегодня есть в нашем научном сообществе люди, которые мыслителей прошлого с уважением и адекватным пониманием берут в собеседники и «терпят», продолжая дело, начатое многие века назад — необычайно интересное, благодатное дело миропостижения и человекообъяснения.

А. Е. Зимбули,
доктор философских наук, профессор,
Российский государственный
педагогический университет им. А. И. Герцена; e-mail:
zimbuli@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 27 февраля 2013 г.